

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.050

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭПИЛОГА «ВОЙНЫ И МИРА» Л. Н. ТОЛСТОГО

С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

В статье рассматривается вопрос о месте и значении эпилога в составе идейно-художественного целого романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Указывается на роль литературных источников, оказавших влияние на формирование толстовской концепции и обусловивших тесную связь эпилога с основной частью эпопеи. Особое внимание уделяется анализу параллелей, которые выявляются между образной системой и принципами характерологии Толстого с одной стороны и стилистическими и аксиологическими особенностями «Переписки» Ивана Грозного с Андреем Курбским. Данный памятник ранее не рассматривался как литературный источник творчества Толстого. В статье обосновывается мысль о том, что «Переписка», известная Толстому и упомянутая в эпилоге романа-эпопеи, своим нравственно-психологическим и философско-историческим содержанием была созвучна толстовским размышлениям. Писатель сознательно использовал эту параллель. В контексте «Войны и мира» указание на письма Ивана Грозного приобрело знаковую функцию, тесно связав «историческую» и «художественную» части книги. Воплощенная в «Переписке» Курбского и Грозного «духовная брань» органически вошла в подтекст «Войны и мира», что сближает Л. Н. Толстого с представителями литературы «духовного реализма».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Иван Грозный, Андрей Курбский, С. М. Соловьев, история России, роман-эпопея, авторские отступления, литературные источники, художественная антропология, аксиология, историзм, духовный реализм.

Философско-исторические отступления Толстого в «Войне и мире», которые развернуты в Эпилоге, в восприятии многих поколений читателей, критиков и литературоведов стояли как-то особняком, противопоставлялись «художественной» части романа-эпопеи [8]. И это несмотря на то, что сам Толстой постоянно подчеркивал, рассчитывая на читателя, способного прочесть «между строками, не рассуждая», следующий тезис: «Если бы не было этих рассуждений, не было бы и описаний» [16, т. 15, с. 241]. Современное толстоведение, следуя принципу

© Николаева С. Ю., 2021

«эстетической презумпции невиновности» (Д. С. Лихачев), утверждает высокую значимость философских фрагментов романа-эпопеи и их органическую связь с произведением в целом [11, с. 108]. Однако конкретных исследований, посвященных изучению этой связи, пока не существует [2, с. 379].

Автор «Войны и мира» ощущал единство художественно-исторической концепции своей книги: «Изложенные мною мысли о границах свободы и независимости и взгляд на историю – не случайный парадокс, а плод всей умственной работы моей жизни и составляют нераздельную часть того мирозерцания, которое бог один знает, какими трудами и страданиями выработалось во мне и дало мне совершенное спокойствие и счастье» [16, т.61, с. 195]. Художественное и философско-историческое нераздельны, они суть проявления единого мирозерцания Толстого.

Недооценка этой «нераздельности» обусловила подход большинства ученых и к вопросу об источниках, о генезисе философско-исторической концепции эпилога и книги в целом. Основное внимание уделяется связям писателя с наследием Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Бокля [8; 14; 18], т.е. традициям западноевропейской философии, так как известно, что в конце 1860-х гг., на завершающей стадии создания «Войны и мира», Толстой углубленно изучал их. Однако чтение, сопутствующее писанию, вряд ли могло оказать определяющее влияние на концепцию произведения. Конечно, Толстой работал непрерывно, его философские построения возникали в диалоге с теми философскими системами, которые он изучал. Но не случайно же он говорил про «плод *всей* умственной работы <...> жизни» (курсив мой). Не случайно и литературоведы приходят к выводам о критицизме писателя по отношению к «философии чисто умственной» [6, с. 241-242], о его самостоятельности как мыслителя.

Многие источники «Войны и мира», повлиявшие на формирование толстовской концепции и творческой манеры, стали известны художнику, обдумывались и переосмысливались им задолго до начала самого процесса письма. Это были и литературные, и исторические, и философские сочинения, анализу которых посвящены труды современных толстоведов [1; 3; 10]. Но даже в вопросе об источниках ощутимо противопоставление авторских отступлений и остальной части эпопеи: эпилог комментируют с точки зрения философской, между тем как сам Толстой прямо называет источник литературный, целую книгу – «Переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским». Обращение к ней может наполнить новым содержанием метафорическое высказывание Б. М. Эйхенбаума о «доморощенной философии истории» Толстого [19, с. 38].

Стремясь «определенно объяснить значение той силы, производящей исторические события, которая называется властью» (VII, 320), и

ее соотношение с тем, «в чем состоит жизнь народа», Толстой задается вопросом: «Движение русского народа на Восток, в Казань и Сибирь, выражается ли в подробностях большого характера Иоанна IV-го и его переписки с Курбским?» [16, т. 7, с. 325].

Характерно, что в тексте Толстого упоминание об Иване Грозном и Курбском определенным образом выделено в ряду однотипных, казалось бы, примеров. Сначала писатель формулирует тезис о том, что «деятельность миллионов людей, переселяющихся, сжигающих дома, бросающих земледелие, истребляющих друг друга, никогда не выражается в описании деятельности десятка лиц, не сжигающих домов, не занимающихся земледелием, не убивающих себе подобных». На первый взгляд, автор отстаивает здесь приоритет масс над отдельной личностью или группой лиц. Но на самом деле речь идет об историографическом принципе: «...историки изучают людей, оставивших по себе наибольшее число памятников, – царей, министров, полководцев, сочинителей, реформаторов, пап, журналистов» [Там же]. Отбор героев для трудов по истории в известной мере случаен и субъективен, а потому искать в этих трудах объяснение силы, двигающей народами, не стоит – таков вывод Толстого, подкрепляемый следующими фактами: «Брожение народов запада в конце прошлого века и стремление их на восток объясняется ли деятельностью Людовиков XIV-го и XVI-го, их любовниц, министров, жизнью Наполеона, Руссо, Дидерота, Бомарше и других?

Движение русского народа на Восток, в Казань и Сибирь, выражается ли в подробностях большого характера Иоанна IV-го и его переписке с Курбским?

Движение народов во время крестовых походов объясняется ли изучением Готфридов и Людовиков и их дам? Для нас осталось непонятным движение народов с запада на восток, без всякой цели, без предводительства, с Петром Пустынником. И еще более осталось непонятно прекращение этого движения тогда, когда ясно поставлена была историческими деятелями разумная, святая цель походов – освобождение Иерусалима» [Там же].

Очевидно, что история «Готфридов и Людовиков» не есть история жизни народа, и здесь позиция Толстого прочитывается однозначно. Но история отношений Грозного и Курбского на первый взгляд лишена его авторской оценки. Почему? Думается, вследствие того, что эта история писалась непосредственными, живыми участниками событий и несла на себе подлинный отпечаток времени, его цвет и запах. Грозный и Курбский выступают не как объекты, а как субъекты описаний исторической реальности своей эпохи. Их переписка – уникальный живой материал, благодаря которому факты истории объясняются, как и мечтал Толстой, «человечески».

Бесспорно, историческая канва событий XVI в., на которой основаны послания русского царя и потомка ярославских князей, весьма далека от событий XIX в., воссозданных в «Войне и мире». Их связь Толстой, тщательно изучивший сочинения по русской истории Н.Г. Устрялова и Н.М. Карамзина, конечно же, понимал: правление Ивана Васильевича – Смута и Крестьянская война в XVII в. – нашествие Наполеона в 1812 г. Но эта связь оставалась на периферии его творческого сознания.

В переписке Грозного с Курбским, которую писатель знал по ряду изданий [5; 17], Толстого не могли не заинтересовать рассуждения о власти, о предопределенности событий, о свободе и необходимости, о роли «воев» и «вельмож» в жизни государства, о гордости и совести. Нравственная и философско-историческая проблематика сочинений Ивана IV и Андрея Курбского [9] совпала с основными аспектами философско-исторической концепции «Войны и мира».

В этой переписке было нечто, что не могло не привлечь внимания Толстого как историка и художника. Автор «Войны и мира», намеревавшийся поставить в центр своего повествования французского полководца и русского императора, собиравшийся писать «историю Наполеона и Александра», должен был увидеть в знаменитой переписке нравственно-психологическое противостояние двух ярких личностей, олицетворявших собою противоположные начала, взаимоотрицающие полюсы. Впоследствии акценты в построениях Толстого сместились: основную оппозицию образовали образы Наполеона и Кутузова, тогда как Наполеон и Александр были интерпретированы как однотипные персонажи, как варианты одного и того же человеческого типа.

Современные исследования показали, что и у Грозного с Курбским существовало много общего в литературной технике [4], в философско-исторических, богословских взглядах. Толстой видел эту общность – сквозные темы и лейтмотивы в посланиях Грозного и Курбского стали необычайно близки его собственным размышлениям и образовали психологическую канву треугольника Наполеон – Александр – Кутузов; ощущал он и пропасть между «самодержавством» грозного царя, отождествлявшего себя с Русской землей, и тщеславием самолюбивого вельможи-эмигранта, претендовавшего на собственное понимание пути развития «Святорусского царства» [9, с. 234–240], что позволило сохранить в «Войне и мире» напряженность моральной оппозиции Кутузов-Наполеон (общерусское – антирусское начала).

Проблемы, поднятые в свое время Курбским и Грозным и ставшие актуальными для Толстого, суть следующие.

Прежде всего это проблема неоднозначности человека, несовпадения «внешнего» и «внутреннего». И Курбский, и Грозный неоднократно упрекают друг друга в подобной, как они полагают, ущербности. Гроз-

ный призывает: «Взгляни *внутрь себя* и сам перед собой раскройся!» [12, с. 167]. Курбский вторит ему: «А что далее следует в послании твоём... представляет тебя *изнутри* как человека, на обе ноги хромающего и ходящего неблагочинно... то ты чрезмерно унижаешься, то беспредельно и сверх меры превозносишься!» [Там же, с. 168].

Подтверждая верность этих взаимных характеристик, современный ученый заключает: «...в сочинениях Грозного мы встречаемся с замечательной способностью его к художественному перевоплощению, к умению менять стиль изложения, подделываясь под избранную им позицию (униженного челобитчика, смиренного черноризца, обиженного царя) <...> ради единой цели: убедить и высмеять своего противника» [7, с. 200–202]. Курбский, в свою очередь, «впервые в истории древней русской литературы был озабочен тем, чтобы его личность, вернее его «личина», которую он надевал по тому или иному случаю, выглядела наиболее выигрышно, оправдывала его в прошлом, в настоящем, давала ему моральное право выступать разоблачителем государя всея Руси» [Там же, с. 211].

Каждый из участников переписки: и Курбский, и Грозный – примеряют на себя две основные маски: простеца и гордеца. Личина «простодушного» и доброго советника морально выгодна Курбскому, так как ему необходимо подчеркнуть свою значимость перед западнорусским читателем [Там же, с. 210]. Но в его самоощущении преобладает личность гордеца, который «упрекает Грозного не только в «варварстве», но и в литературной неумелости, необразованности и отсутствии литературного вкуса»: «Курбский пишет Грозному с “высот” своей новой образованности. Его позиция... – это позиция утонченного... интеллигента, поучающего грубого неуча» [Там же, с. 203–204]. В свою очередь Иван IV всячески подчеркивает свою царскую «грозу» – форму проявления гордости и самовластия. На самом же деле он оказывается весьма непосредственным «простецом». «Его эмоциональность и возбудимость, резкие переходы от пышной церковнославянской речи к глубокому просторечию идут не столько от усвоенной им литературной школы... сколько от его характера и являются частью его поведения» [Там же, с. 201]. Внешнее и внутреннее, простота и гордость, естественность и деланность, наивная непосредственность и лукавая преднамеренность – эти морально-психологические оппозиции многократно реализуются в «Войне и мире» в образах Наполеона и Кутузова, Наташи и Элен, Пьера и князя Андрея, Марьи Болконской и Жюли Карагиной. Диалектика противоположных начал, их сосуществование в одном человеке – все это становится предметом пристального внимания Толстого и составляет живую ткань создаваемых им характеров. «Гордец» Пьер, замысливший остановить самого Наполеона и тем самым стать вровень с ним, сталкивается на своем

пути с «простецом» Платоном Каратаевым и поражается его подлинной народной мудрости, сам становясь «проще» (как говорят слуги, «попростел»). «Простец» Растопчин, подделывающийся в своих афишках под народного героя, под простонародную речь, в конце концов демонстрирует свои амбиции, тщеславие и гордость даже в вопросе о пожаре Москвы, то отрицая свою причастность к этому злодеянию, то приписывая себе честь уничтожения московских сокровищ, не доставшихся Наполеону. Внутренняя красота и сила одних героев Толстого контрастирует с внешним блеском и мнимым величием других, тогда как кажущаяся внешняя непритязательность, грубость и простота могут скрывать нечто истинно великое.

Важнейшие нравственные категории, возникающие в полемике Грозного и Курбского, тоже «толстовские» – «разум» и «совесть», причем они существуют как антиномии: первая ассоциируется с интеллектуальным, рациональным началом, вторая – со-чувствие, со-страдание, с интуитивно постигаемой нравственной сущностью (со-весть, по-толстовски – «ум сердца»). Эта антиномия присутствует в рассуждениях Курбского: «я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была моим свидетелем» [12, с. 120]. Он обвиняет царя не в растлении ума [Там же, с. 406], а именно в утрате совести: «Царю... (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных» [Там же, с. 119]. Эту антиномию сохраняет и Грозный, с помощью тонкой словесной игры обращая ее против Курбского, считающего, что «совесть... засвидетельствует истину». Он упрекает: «Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины» [Там же, с. 152, 164]. Упрек же в отношении себя он интерпретирует по-своему: не ощущая мучений совести, чувствуя себя правым, он защищает свой «разум»: «Это ли “против разума” – не хотеть быть под властью своих рабов?»; «Разве же это ”супротив разума” – сообразоваться с обстоятельствами и временем?»; «А это, по-твоему, “сопротивно разуму и прокаженная совесть”, когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует богом поставленный царь?» [Там же, с. 125, 129, 130].

По мнению Я.С. Лурье, тема «сопротивности разуму» и «прокаженной совести» возникает в связи с различным пониманием Грозным и Курбским «пресветлого православия» [Там же, с. 228–229], а в конечном итоге – в связи с разным пониманием путей развития Московской Руси.

Толстовские понятия «ум ума» и «ум сердца» также имеют не только нравственное и психологическое наполнение. Они возникают в контексте философско-исторической концепции писателя, в контексте «мысли народной». Частная жизнь человека осмысливается в «Войне и мире» в отношении к исторической общенациональной жизни, и формой такого отношения может быть либо «ум ума», либо «ум сердца».

Нравственно-психологические категории «работают» при решении национально-исторических проблем, именно поэтому полемика Курбского и Грозного должна была привлечь внимание Толстого. С точки зрения Курбского, поведение царя необъяснимо, в нем нет логики: «...и не понял, и не нашел – в чем же я перед тобою согрешил. Полки твои водил <...> победы <...> одерживал <...> в течение многих лет трудился <...> в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук»; «и воздал ты мне злом за добро мое...» [Там же, с. 120].

Характер Ивана Грозного – стихия, его поведение непредсказуемо, его гонения против вельмож имеют почти мистический смысл – против тех же вельмож поднимутся крестьяне позднее, во время Смуты, и еще позднее – во времена Пугачева. Эпоха Ивана Грозного и самый феномен грозного царя принадлежат к тем явлениям, подспудно вызревающим в общенародной жизни, которые Толстой в «Войне и мире» описал применительно к богучаровскому бунту так: «...в жизни крестьян этой местности были заметнее и сильнее <...> те таинственные струи народной русской жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников. Одно из таких явлений было проявившееся лет двадцать тому назад движение <...> к переселению на какие-то теплые реки <...> Как птицы летят куда-то за моря, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток, где никто из них не был. Они поднимались караванами, поодиночке выкупались, бежали, и ехали, и шли туда, на теплые реки <...> Но подводные струи не переставали течь в этом народе и собирались для какой-то новой силы, имеющей проявиться так же странно, неожиданно и <...> просто, естественно и сильно» [16, т. 11, с. 144].

Не случайно, упоминая об Иване Грозном в эпилоге романа-эпопеи, Толстой подчеркивает его доминирующую роль в переписке с Курбским и задается вопросом о том, стал ли характер Грозного и все его правление выражением «подводных», «таинственных струй» народной жизни.

Решение проблемы власти, данное Толстым, в существенных моментах пересекается с сентенциями Грозного. Толстой полагает, что власть (приказания властителя) *не причина* того или иного события, а *часть* этого события; механизм власти (отношение приказывающего к тем, кому приказывают) есть часть механизма исторического движения, события. «Царь есть раб истории», то есть он участник исторического процесса, ход которого определяется не его личной волей, а глубинными закономерностями и множеством волей. Многократно на всем протяжении спора с Курбским Грозный говорит о своем участии в походах и событиях общегосударственного значения как о *продолжении* дела предков – защи-

ты Русской земли, защиты православия, о том, что ему приходилось при этом преодолевать ропот вельмож, подобных Курбскому [12, с. 146–147]. Он упрекает Курбского в том, что, противясь власти, «данной от Бога», он «погубил себя из-за себялюбия» и «бежал не от смерти, а ради славы <...> и богатства ради» [Там же, с. 124]. Курбский уклоняется от царской службы, избегает верховенства власти над его своеволием, но тем самым он пытается обособиться от своего отечества и его истории [7, с. 206–207]. Он тоже рассказывает о своих походах и делах, напоминает о заслугах, лишениях, страданиях; он вроде бы говорит не о себе одном, а о «сильных во Израиле», то есть о многих бывших приближенных царя, оказавшихся в опале и казненных, но в итоге у него получается апология индивидуализма, рационализма, «делания». Он хотел бы «делать» и «выглядеть», он не может просто «быть» и «жить» в своем отечестве. Курбский обличает жестокость царя, не замечая, что деятельность Грозного соотнесена с исторической необходимостью. Грозный находится внутри потока истории, а Курбский выбрался из него и пристал к берегу, и берег этот – литовский Вольмар.

Курбский отделяет себя от народа, выделяет себя из людской массы, тогда как Грозный ощущает, что опирается на пирамиду, широкое основание которой составляет народ: «Вы ведь говорили: “Нет людей на Руси, некому обороняться”, – а нынче вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости?» [12, с. 167]; «Русская земля держится божьим милосердием, и милостью пречистой богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами. <...> с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников» [Там же, с. 136].

Любопытным продолжением этих рассуждений выглядит следующий пассаж из дневника Толстого 1870 г.: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской Руси: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость <...> невольню приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. <...> Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю. Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли... невольню приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? <...> Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей <...> кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня?» Это – отклик на один из документов Смутного времени, приведенный С. М. Соловьевым, ср.: «...дали на наем ратным людям денег, сукон, камок, тафты») [15, с. 524–525].

Завершив «Войну и мир», Толстой не прервал своей работы по осмыслению русской истории, причем сохранил преемственность интересов его эпох: в эпилоге романа-эпопеи акцент был сделан на правлении Ивана Грозного, а в дневнике 1870 г. он сосредоточился на Смуте и самовласти, на эпохе самозванцев. «Народ живет, и в числе отправлений народной жизни есть необходимость людей разоряющих, грабящих, роскошествующих и куражащихся. И это правители – несчастные, долженствующие отречься от всего человеческого».

Очевидно, что вопрос о власти в толстовском понимании, как и в понимании Грозного, тесно связан с вопросом о предопределенности событий, о свободе и необходимости. И Грозный, и Толстой идее свободы отдельной личности противопоставляют идею необходимости и целесообразности, основанную на общенациональной жизни.

Вообще в переписке Грозного с Курбским довольно много «толстовского» – деталей и подробностей речи, портретных описаний, мимики и жестов, поведения, исторических зарисовок. При всем различии характеров знаменитых «эпистолографов» XVI в. и героев «Войны и мира» можно увидеть параллелизм многих психологических черт, сознательно отмеченный Толстым, а возможно, ставший результатом анализа огромного исторического материала, результатом обобщений и наблюдений над типами исторических личностей.

В облике Курбского явно присутствует все то, что в романе Толстого выступило под знаком «наполеоновского начала», присущего не только Наполеону, но и другим персонажам «Войны и мира». Курбский самоуверен, убежден в своей значимости и величии, он любит «выгодные» позы и красивые фразы, что проявляется в характере его языковой личности. Он «аристократ стиля», дорожит «риторически украшенным словом» и создает «образцы высокого и вдохновенного красноречия» [4, с. 155]. Грозный склонен к самоуничтожению (хотя и мнимому), называет себя простым смертным, пишет своим «кусательным» стилем «широковещательные и многошумящие писания», он чужд всякой рафинированности и самолюбования, он искренен, когда обличает противника: «...вы мнили, что вся Русская земля у вас под ногами, но по божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной»; «Чего не можешь взять, не пытайся и брать» [12, с. 167, 153]. Простота и внешняя неприязнительность стиля Ивана IV близки манере Кутузова, скрывающей громадную внутреннюю силу: просторечный упрек Курбскому в тщеславии и высокомерии – «А лицо свое ты высоко ценишь. Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть?» [Там же, с. 153] – напоминает насмешку Кутузова над самонадеянностью французов: «Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки».

Толстого, как и других представителей литературы «духовного реализма», интересует «духовная брань», в которой «происходит формирование личности», ему «проблема “человек и мир” видится сложнее и иррациональнее, чем позитивистам», ведь «“духовные реалисты” ставят не временные, а вечные вопросы о смысле жизни и предназначении человека. Объект их анализа – совесть, стыд, вина, память. Их идеалы основаны на христианском миропонимании, взывающем к добру и справедливости» [13, с. 75]. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, несомненно, известная Толстому и упомянутая в эпилоге романа-эпопеи, своим нравственно-психологическим и философско-историческим содержанием, своей аксиологией была созвучна толстовским размышлениям. Писатель сознательно использовал эту параллель. В контексте «Войны и мира» указание на письма Ивана Грозного приобрело знаковую функцию, тесно связав «историческую» и «художественную» части книги. Воплощенная в «Переписке» Курбского и Грозного «духовная брань» органически вошла в подтекст «Войны и мира», что сближает Л. Н. Толстого с представителями литературы «духовного реализма».

Список литературы

1. Блудилина Н. Д. Литературные источники романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (художественно-документальная проза): автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.01.01 / Н. Д. Блудилина; Ин-т мировой литературы. М., 1994. 26 с.
2. Громов П. П. О стиле Льва Толстого. Л.: Худож. лит., 1977. 482 с.
3. Гулин А. В. Исторические источники в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.01.01 / А. В. Гулин; Ин-т мировой литературы. М., 1992. 28 с.
4. Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Языки рус. культуры, 1998. 414 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 1988. Т. IX. Гл. II–V. С. 33–38, 154, 178.
6. Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966. 324 с.
7. Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 200–222.
8. Лурье Я. С. «Дифференциал истории» в «Войне и мире» // Русская литература. 1978. № 3. С. 43–60.
9. Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 214–249.
10. Можарова М. А. Л. Н. Толстой и И. В. Киреевский: преемственные связи: автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.01.01 / М. А. Можарова; Ин-т мировой литературы. М., 1999. 20 с.

11. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М. : Просвещение, 1987. 176 с.
12. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1993. 447 с.
13. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
14. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М. : Худож. лит., 1972. 543 с.
15. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 4. М. : Мысль, 1989. 751 с.
16. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худож. лит., 1928–1958.
17. Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1833 изд. 2-е – СПб., 1842, изд. 3-е – СПб., 1868.
18. Шакирова Л. Г. Толстой и Шеллинг (К вопросу о генезисе историко-философской концепции романа «Война и мир») // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 1. М. : Наследие, 1998. 364 с.
19. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: 60-е годы : в 2 кн. Кн. 2. Л. ; М. : Худож. лит., 1931. 424 с.

ABOUT THE LITERARY SOURCES OF THE EPILOGUE OF THE “WAR AND PEACE” BY L. N. TOLSTOY

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article considers the question of the place and meaning of the epilogue as part of the ideological and artistic whole of L. N. Tolstoy’s novel “War and Peace”. The role of literary sources that influenced the formation of Tolstoy’s concept and caused the close connection of the epilogue with the main part of the epic is indicated. Special attention is paid to the analysis of parallels that are revealed between Tolstoy’s figurative system and characterology principles, on the one hand, and the stylistic and axiological features of Ivan the Terrible’s “Correspondence” with Andrei Kurbsky. This monument has not been previously considered as a literary source of Tolstoy’s work. The article substantiates the idea that the “Correspondence”, known to Tolstoy and mentioned in the epilogue of the epic novel, was consonant with Tolstoy’s reflections in its moral-psychological and philosophical-historical content. The writer deliberately used this parallel. In the context of the “War and Peace”, the reference to the letters of Ivan the Terrible acquired a significant function, closely linking the “historical” and “artistic” parts of the book. The “spiritual warfare” embodied in the “Correspondence” of Kurbsky and Ivan the Terrible organically entered the subtext of the “War and Peace”, which brings L. N. Tolstoy closer to the representatives of the literature of “spiritual realism”.

Keywords: *L. N. Tolstoy, Ivan the Terrible, Andrey Kurbsky, S. M. Solovyov, history of Russia, epic novel, author's digressions, literary sources, artistic anthropology, axiology, historicism, spiritual realism.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Yurievna – Doctor of Philology, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.